

ЮКИО
МИСИМА

Жажда любви

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
М 65

Yukio Mishima
AI NO KAWAKI
Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1950
All rights reserved

Перевод с японского Александра Вялых
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-12112-6

© А. Е. Вялых, перевод, 2000
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На днях Эцуко прикупила в универмаге Ханкю две пары полушерстяных носков. Одну темно-синего цвета, а другую — коричневого. Простенькие одноцветные носочки. Ради них ей пришлось проехать почти через всю Осаку и выйти на последней станции Ханкю. Расплатившись за покупки, она тотчас отправилась в обратный путь, чтобы сесть на поезд и поехать домой. Ей было ни до кино, ни даже до чашечки чая, не говоря уже о легком завтраке. Больше всего на свете Эцуко не выносила уличной сутолоки.

Если бы она решилась куда-нибудь пойти, то ей достаточно было бы спуститься по лестнице на станцию Умэда и на метро доехать до станции Синсайбаси или Дотонбори. Впрочем, стоит выйти из универмага и пересечь перекресток, как сразу же окажешься у линии морского прибоя, атакующего в часы прилива окраины мегаполиса под оглушительные выкрики подростков, расположившихся на обочине дороги и наперебой зазывающих прохожих почистить обувь.

Эцуко родилась и выросла в Токио, поэтому Осака была для нее чужой. Какой-то беспричинный страх охватывал ее в этом городе, населенном разношерстным людом: уважаемыми ком-

мерсантами, люмпенами, фабрикантами, биржевыми маклерами, уличными проститутками, наркоторговцами, служащими, мошенниками, банкирами, местными чиновниками, членами городского совета, певцами — сказителями *гидаю*¹, содержанками, прижимистыми женами, журналистами, странствующими актерами, официантками, чистильщиками обуви, — не они, не город породил чувство страха в Эцуко, а, может быть, сама жизнь — та безграничная, переполненная обломками разных судеб, стихийная и грубая жизнь, обладающая свойством, словно море, неожиданно просветляться, приобретая голубовато-зеленый оттенок берлинской лазури.

Эцуко раскрыла сатиновую сумку для покупок и припрятала носки на самое дно. Вспышка молнии польхнула в открытом окне. Вслед за молнией величественно прогремели раскаты грома. В магазине задрожали стеклянные витрины.

Налетел ветер и со всего маху опрокинул доску объявлений, на которой крепился листок с иероглифами: «Уцененные товары». Продавщицы кинулись закрывать окна. Помещение утонуло в сумраке, отчего казалось, что спираль в электролампе, которая горела даже в дневное время, накалилась еще ярче. Дождь, однако, не торопился.

У Эцуко вспыхнули щеки. Они начинали пылать неожиданно, без всякой причины, будто внутри у нее разгорался огонь. Однако это не было чем-то болезненным. Эцуко потрогала пылающие щеки, ощущая шероховатость ладоней, от приро-

¹ *Гидаю* — сказ, вид драматического сказа японской эстрады и театра.

ды нежных, но теперь мозолистых и грубых на вид. Щеки горели все сильнее.

В этот момент ей захотелось совершить что-то необычное. Например, выскочить на перекресток и смело окунуться в лабиринт городских улиц. Ее переполняло предчувствие счастья.

Что вселяло в нее эту решимость? Гром? Или купленные носки? Народ не прекращал толпиться между этажами. Эцуко бросилась вниз по лестнице. Она сбежала на второй этаж, со второго на первый, где находилась билетная касса. Она только мельком взглянула на происходящее снаружи. Ливень хлынул стеной. Наступая сплошным потоком, упругие струи дождя заливали тротуар, разбиваясь о мостовую.

Эцуко направлялась к выходу, и с каждым шагом к ней возвращалось обычное ее спокойствие. Она почувствовала усталость и легкое головокружение. Эцуко была без зонта, поэтому выходить на улицу не решилась. Да нет, не поэтому. Просто ушло ощущение восторга.

Остановившись у выхода, она проводила взглядом внезапно промчавшийся сквозь потоки дождя городской трамвай, который на мгновение заслонил дорожные знаки и магазинчики на противоположной стороне улицы. Дождь усиливался, рванулся к ее ногам, забрызгивая подол платья. Эцуко казалось, что люди нарочно жмутся к ней. Из всех толпившихся она была единственной, кто еще не промок. Ее окружали мужчины и женщины — видимо, офисные сотрудники. Все они промокли до нитки. Одни недовольно ворчали, другие отшучивались, пытаясь сохранить достоинство, несмотря на жалкий вид. Все, задржав головы, смотрели в не-

бо в проливном дожде. Эцуко тоже. Ее сухое лицо затерялось среди других мокрых лиц. Казалось, что трассирующие струи падали на их лица под чьим-то точным прицелом. Вдали грянул гром. В этом шуме закладывало уши и цепенело сердце. Время от времени ревели автомобильные гудки. Стационарный громкоговоритель захлебывался обрывками фраз, изрыгая адские вопли вместо человеческой речи, — от всей этой какофонии можно было запросто сойти с ума.

Эцуко вышла из толпы, которая покорно ожидала, когда прекратится дождь, и присоединилась к длинной молчаливой очереди за билетами.

* * *

Станция Окамати на линии Ханкю — Такарадзука находится в тридцати или сорока минутах езды от центральной станции Умэда. Скорый поезд идет туда без остановок. Многие жители Осаки из-за бомбежек покинули город, расселяясь далеко в пригороде, в результате чего население города Тоёнака увеличилось после войны в два раза. Эцуко проживала в деревне Майдэн, в пригороде Тоёнака, префектуры Осака. Впрочем, если быть точным, Майдэн трудно было назвать деревней, но, чтобы купить хоть какой-то товар, да подешевле, нужно было ехать в Осаку, потратив на дорогу чуть больше часа. Эцуко отправилась туда за покупками как раз за день до праздника осеннего равноденствия. Ей хотелось купить для подношения на алтарь фрукты дзамбоа, любимые ее покойным супругом Рёсукэ. К сожалению, в универмаге они уже были распроданы. Движимая угрызениями совести или другими мотивами, она подумала

было продолжить поиски в другом месте, но именно в этот момент дождь преградил ей путь. Других дел в городе у нее не было.

Эцуко вошла в пассажирский поезд до Такарадзуки, заняла свое место. За окном по-прежнему хлестал дождь. Стоящий рядом пассажир развернул вечерний выпуск газеты, и запах свежей типографской краски вывел Эцуко из задумчивости. Она украдкой посмотрела по сторонам. Ничего интересного.

Раздался свисток проводника. Тяжело и удрученно дрогнула между вагонами цепь. Глухое скрежетание ее звеньев сопровождалось монотонными толчками. Поезд тронулся вперед. Это повторялось каждый раз, словно ритуал, когда поезд отходил от очередной станции.

Дождь прекратился. Эцуко повернула голову и посмотрела в окно, не отрывая глаз от потока солнечных лучей, рвущихся из облачных провалов к пригородным домам и улочкам. Казалось, к ним тянутся слабенькие и бледные ручонки.

* * *

Своей постоянной вялостью Эцуко походила на беременную. Даже ходила так же, сама этого не осознавая. Да и рядом с ней не было никого, кто желал бы исправить ее осанку. По этой походке ее узнавали издали.

Со станции Окамати она прошла воротами синтоистского храма Хатиман, затем оживленными улочками Комати. Она шла так медленно, что, пока добралась до окраины, опустились сумерки.

В муниципальных домах зажигались огни. Чтобы миновать этот убогий поселок из сотни или бо-

лее одинаковых крохотных домиков, сдаваемых за одинаковую арендную плату, был более короткий путь, которого Эцуко почему-то всегда избегала. Если бросить случайный взгляд в окно, то можно везде увидеть типичную картину: дешёвенький буфет для чайной посуды, низкий столик, радио, напольные муслиновые подушки; иногда в углу на столе привлечет внимание скудный ужин под теплой шапкой пара, — как это все раздражало Эцуко! Ее воображение рисовало совсем иные картинки благополучия, которые заслоняли от нее окружающую бедность.

Дорога уводила в темноту. Трещали цикады. Вечерняя заря, последний раз отразившись в лужах, угасла. Влажный смутный ветерок нырнул в рисовое поле, колосившееся по обе стороны дороги. Рисовые колосья, согбенные и понурые, отдавались порывам ветра.

Эцуко, преодолев большой крюк, типичный для деревенской местности, наконец-то вышла на тропинку, которая блуждала вдоль небольшой речки. Это были окрестности деревни Майдэн. Между речкой и тропинкой тянулись бамбуковые заросли. От этих мест вплоть до Нагаоки располагались плантации съедобного тропического бамбука — этим и славилась провинция. Тропинка сквозь бамбуковые заросли вела к деревянному мосту через речку. Эцуко перешла через мост, миновала дом бывшего землевладельца, прошла между кленами и фруктовыми деревьями, поднялась по неровным каменным ступенькам, окруженным изгородью из чайных кустов, и, раздвинув двери на веранду, вошла в дом Сугимото, который на первый взгляд казался великолепной загородной дачей, выстро-

енной рачительным хозяином. О бережливости и смекалке Сугимото говорили такие детали, как отделка дома дешевым грубоватым деревом в неприметных постороннему глазу местах. Из дальних комнат доносился громкий смех детей Асако, жены деверя Эцуко.

«С чего это они так развеселились? Как можно так грубо смеяться?» — вяло подумала Эцуко и положила сумочку с покупками на стол.

* * *

Якити Сугимото приобрел землю в собственность, около десяти акров, в 1934 году, за пять лет до ухода в отставку из судовой компании «Кансай». Он был сыном фермера-арендатора, который вел хозяйство в окрестностях Токио; учился и одновременно зарабатывал себе на жизнь. Окончив университет, он был принят на работу в судовую компанию «Кансай» и приписан к главному офису в Осаке, в Додзиме. Он женился на девушке из Токио и, хотя на всю жизнь остался в Осаке, трем сыновьям дал образование в токийских университетах. В 1934 году стал генеральным директором, в 1938 году — президентом компании. На следующий год ушел на пенсию.

Однажды супругам Сугимото случилось навестить могилу старинного друга на новом муниципальном кладбище, которое называлось Сад душ — Хаттори. Их очаровала окружающая этот сад холмистая местность. Тогда-то, поинтересовавшись названием, они впервые услышали о деревне Майдэн. Присмотрев недорогой земельный надел на склоне горы с фруктовым садом и прилегающими к нему зарослями бамбука и каштановой рощей,

они в 1935 году построили скромную дачу. В том же году Якити нанял садовника для ухода за фруктовыми деревьями.

Но превратить эту дачу в место праздного времяпрепровождения, как того желали сыновья и его жена, им так и не удалось. В конце каждой недели они всей семьей выбирались на автомобиле из Осаки и занимались полевыми работами, якобы наслаждаясь солнцем. Кэнсукэ, старший сын Якити, слабовольный неумеха, изо всех сил противился здоровому увлечению отца. Его прямотаки воротило от отцовских прихотей, однако он был вынужден, хоть и с великой неохотой, волочиться вслед за братьями на поле и мотыжить землю.

Среди деловых кругов Осаки в то время было немало людей, которые любили покопаться в земле. Врожденная скупость, обернувшаяся для жителей района Киото-Осака некой жизнеспасительной философией, не позволяла им зариться на знаменитые побережья вблизи горячих источников. Они возводили свои коттеджи в горных захолустьях, где земля и жизнь обходились недорого.

После отставки Якити Сугимото перебрался в Майдэн, где воздвиг себе цитадель на всю оставшуюся жизнь. Название деревни восходит, вероятно, к слову «майда», что означает «рисовое поле». Очевидно, в доисторические времена здесь плескалось море, в результате чего земли стали чрезвычайно плодородными. На десяти акрах этой земли Якити мог выращивать какие угодно овощи и фрукты. Одна семья арендатора и три нанятых помощника помогали обихаживать его земли. Через несколько лет персики Сугимото стали пользоваться на рынке особым спросом.

Военное лихолетье Якити прожил с застывшим на лице выражением тайной враждебности. Это была какая-то странная форма презрения по отношению к недалёковидным горожанам, вынужденным терпеть нормированное распределение продуктов, покупать рис на черном рынке втридорога, в отличие от предусмотрительного Якити, который мог поддержать свое существование, кормясь с собственной земли. Таким образом, все происходящее в его жизни, вплоть до отставки с руководящего поста компании, которая была неизбежна и совершилась против его воли, выглядело как заранее продуманные им шаги; однако он болезненно переживал свое отлучение от дел, которое, как теперь казалось, было спровоцировано его собственной недалёковидностью. Усталость и апатия свалились на него, словно на приговоренного к тюремному заключению. На его лице появилось выражение невозполнимой утраты. Среди бывших сослуживцев, которые не испытывали к нему неприязни и зависти, он позволял себе, как бы в шутку, небрежно высказываться о военщине. Еще больше он стал злословить, когда умерла его жена, заболевшая острой формой пневмонии. Новое лекарство, изобретенное врачами военного госпиталя и присланное другом из военного командования в Осаке, не оказало никакого лечебного эффекта, и даже наоборот: болезнь жены стала обостряться, и вскоре она умерла.

Якити сам возделывал землю, сам косил траву. Крестьянская кровь пробудилась в его жилах, а любовь к земле и садоводству обернулась страстью. Теперь никто за ним не приглядывал — ни жена, ни общество. Он без стеснения сморкался в два

пальца. Его старческое тело, облаченное в чопорную жилетку с золотой цепочкой и в помочи, нелепые в его возрасте, вдруг обнаружило крестьянскую осанку, а на холеном лице проступили деревенские черты. Если бы подчиненные увидели его в таком облике, то с удивлением узнали бы, что в этом остром взгляде исподлобья, некогда заставлявшем их трепетать, скрывалась типичная натура стареющего крестьянина.

Одним словом, Якити впервые в жизни почувствовал себя собственником земли. Раньше он просто обладал строительным участком, а теперь, когда строительство было завершено, он перестал смотреть на свое хозяйство как на абстрактную часть собственности, наполнив это слово другим смыслом — «моя земля». В нем ожили инстинкты землевладельца, хотя о собственности он имел весьма общее представление. Кажется, именно земля давала ему надежду впервые почувствовать свою истинную значительность. Теперь стало ясно, что мутный источник его презрения к отцу и проклятий в адрес предков, которые никогда не владели ни одним акром земли, окончательно иссяк. И как типичный нувориш, Якити выстроил на территории храма Бодайдзи, на родине, претенциозную фамильную усыпальницу не столько из почительности к предкам, сколько из желания отомстить им за их бедность. Он никак не мог представить себе, что первым, кто будет там погребен, станет его сын Рёсукэ. О, если бы он знал заранее о смерти сына, он воздвиг бы эту усыпальницу поблизости, в Хаттори!

Сыновья, наезжавшие в Осаку нечасто, были в полном недоумении от таких перемен, случивших-

ся с отцом. В каждом из его сыновей — старшем Кэнсукаэ, среднем Рёсукаэ и младшем Юсукаэ — сохранилась какая-то частица его характера, но в большей степени во всех них запечатлелся образ покойной матери, на которую легли все тяготы и заботы по воспитанию детей. Она происходила из среднебуржуазной токийской среды, знала нравы и пороки своего класса, потакала мужу в его стремлении пощеголять в высшем обществе, выдавая себя за делового человека со всеми повадками руководящего работника. Однако до самой смерти она не позволяла ему сморкаться в руку, ковырять в носу на людях, шумно хлебать суп, цокать языком, отхаркиваться и сплевывать мокроту в угли хибати — одним словом, пресекала все дурные привычки, которые великодушно прощаются в обществе только так называемым великим людям.

Преображение Якити в глазах сыновей выглядело крайне нелепо, словно он напяливал на себя старый перелицованный халат. А сам он снова воспрянул духом, как в былые годы на службе в судовой компании «Кансай», но на этот раз, утратив служебную учтивость и мягкость в обращении, приобрел чрезмерное самомнение. Он мог крепко выругаться не хуже крестьянина, когда тот гонится за воришкой, застигнутым на овощном поле.

В просторной гостиной красовался бюст самого Якити. Комната занимала площадь в двадцать татами¹. На стене висел его портрет кисти одного известного кансайского художника. И написанный маслом портрет, и бюст были не менее напыщенны, чем фотографии целого ряда президентов, по-

¹ Соломенный мат стандартного размера.

мещенные на первых страницах объемного ежегодника, изданного к пятидесятилетию императорских компаний Японии.

Недопустимым в новом облике Якити сыновья находили и его смехотворное самолюбование, которое прямо-таки выпирало из монументальной позы бронзового бюста. С кастовым деревенским высокомерием, процветающим среди местных стариков, он позволял себе грязно ругать военное руководство. В этом злопахательстве сыновья разглядели лицемерную позу критикана, которой он умело покупал уважение простодушных крестьян, искренне принимавших его слова за проявление истинного патриотизма.

По иронии судьбы именно старший сын, считавший отца невыносимым, раньше других сумел занять теплое местечко под папашиним крылом, где мог вести праздную жизнь откровенного бездельника. Из-за хронической астмы он избежал призыва на военную службу, однако, когда стало ясно, что ему не миновать трудовой повинности, отец, благодаря влиятельным связям, пристроил его в почтовое отделение в Майдэн. Вместе с женой Кэнсукэ переехал в деревню. Естественно, трения между отцом и сыном были неизбежны, но Кэнсукэ с редким цинизмом ловко увертывался от давления отца.

Война разгоралась, всех троих помощников забрали на фронт. Один из них, родом из префектуры Хиросима, вместо себя направил на работу к Якити младшего брата, который едва успел окончить школу.

Паренька звали Сабуро. По желанию матери он принадлежал к дзен-буддистской секте Тэнри.

На большие праздники в апреле и октябре Сабу-ро, облачившись в белую накидку с иероглифами на спине: «Закон природы», покидал поместье, для того чтобы встретиться с матерью. В эти дни вместе с остальными верующими они совершали паломничество в Главный храм.

* * *

Эцуко положила сумочку с покупками на стол, прислушалась к звукам, гулявшим в сумерках комнаты, как бы пытаясь предугадать, что происходит в доме. Оттуда доносился неумолчный детский смех. Прислушавшись хорошенько, она поняла, что ребенок не смеется, а плачет.

Мерцали сумерки. Вероятно, Асако, занятая приготовлением ужина, оставила его без присмотра. Асако была женой Юсукэ, который пропал где-то в Сибири, в русском плену. Весной 1948 года она перебралась с двумя детьми под крышу свекра. Это было ровно за год до того, как Якити пригласил к себе овдовевшую Эцуко.

У нее была своя отдельная комната размером в шесть татами. Подойдя к ней, Эцуко удивилась, обнаружив проникающий из-за перегородки свет лампы. Ведь она никогда не забывала выключать свет. Эцуко раздвинула сёдзи¹.

За столом сидел Якити, углубившись в чтение. Он обернулся в сторону снохи. На его лице, казалось, мелькнул испуг. Краем глаза она заметила под его локтем красный кожаный переплет. Она тотчас узнала в нем собственный дневник.

— Добрый вечер! — оживленным, громким голосом произнесла Эцуко.

¹ Раздвижные перегородки в японском доме.

— А, с возвращением! Поздновато, — сказал Якити. — Совсем проголодался, пока ожидал тебя. От скуки даже книгу взял почитать. — Незаметно подменив дневник, он протянул книгу. Это был позаимствованный у Кэнсуке зарубежный роман. — Что-то не по силам мне это чтение, не понимаю ни одного слова.

Якити был одет в поношенные спортивные штаны, в которых он работал на поле, и в военную рубашку. Поверх нее красовался старый жилет от костюма. Внешний вид Якити, чья показная скромность доходила до юродства, не менялся в течение многих лет. Если бы Эцуко знала, как он выглядел в годы войны, то заметила бы разительные перемены в его облике. Тело высохло, взгляд притупился, а плотно сжатые надменные губы обмякли. Когда он разговаривал, в уголках его рта, как у загнанной лошади, сбивалась белая пена.

— Фрукты так и не купила. Повсюду искала, нигде нет.

— Да-а, вот незадача!

Эцуко присела на татами, руки засунула за пояс. От ходьбы за поясом полыхало жаром, как в парнике. Она чувствовала, как струйки пота стекают по груди. Бывало, такой густой холодной испариной она покрывалась во сне ночью. Тогда воздух в комнате пропитывался запахом ее остывающего тела.

Всем своим существом она ощущала дискомфорт, будто была перетянута и связана веревками. Сидя на коленях, она вдруг завалилась на бок. Увидь ее в такой позе кто-нибудь из посторонних, о ней сложилось бы превратное мнение. Сколько раз Якити сам попадался на эту удочку, принимая

ее выходки за кокетство! На самом деле все это происходило бессознательно: ведь она валилась с ног от усталости в буквальном смысле. Якити понимал это и никогда не упрекал ее.

Развалившись на полу, она снимала таби¹. На белых носках засохли пятна грязи. Подошва тоже была черной, как тушь. Якити, желая завязать разговор, сказал:

— Какие грязные, а?

— Да, дорога выдалась уж больно скверной.

— Дождь прошел будь здоров! В Осаке, наверное, тоже хлестало?

— Да, я как раз стояла за покупками в Ханкю.

Эцуко вновь окунулась в воспоминания. Она все еще слышала оглушающий шум дождя, плотная дождевая завеса ниспадала с небес, укрывая весь мир.

Она переодевалась молча, не обращая внимания на Якити. Из-за слабого напряжения в сети лампочка горела очень тускло. Между Якити и Эцуко повисло молчание, и только шелк поскрипывал, словно какое-то ночное насекомое, когда она разматывала пояс на кимоно.

Якити не выносил продолжительного молчания. Он чувствовал в нем немой упрек. Сказав, что пойдет ужинать, он направился через коридор в свою комнату.

Эцуко, завязывая на ходу повседневный пояс из Нагоя, подошла к столу. Одной рукой она закрепляла за спиной пояс, а другой лениво перелистывала страницы дневника. На ее губах появилась едва заметная ухмылка.

¹ Носки с плотной подошвой.

«Отец не знает, что это фальшивый дневник. Никто не знает, что это фальшивый дневник. Разве кто-нибудь может представить, как искусно обманывают люди собственное сердце?»

Эцуко открыла дневник на вчерашней странице и склонила голову над темными исписанными листами.

Сентябрь, 21. Среда.

День закончился, ничего не произошло. Последние деньки лета. Дышать стало легче. Голосами насекомых свиритит весь двор. Утром отправилась за мисо на распределительный пункт в деревню. Один тамошний ребенок подхватил воспаление легких. На его долю едва хватило пенициллина. Говорят, что помогло. Вроде бы чужие заботы, а на душе полегчало.

Чтобы жить в деревне, нужно иметь простое сердце. Худо ли, бедно, но на людях я тоже бываю простой. Кое-чему научилась. Я не скучаю. Перестала тосковать. О скуке теперь не вспоминаю. В последние дни мне тоже стало понятно то безмятежное настроение, какое испытывают крестьяне по завершении тяжелой страды. Я окутана щедрой отцовской любовью. Такое ощущение, будто я вернулась в прошлое, когда мне было лет пятнадцать или шестнадцать.

В этом мире, чтобы жить, вполне достаточно иметь простое сердце, безыскусную душу. А сверх того, кажется, ничего не нужно. Я так думаю. В этом мире нужны такие люди, которые умеют что-нибудь делать или хотя бы немного двигаться. В болоте городской жизни запросто можно погибнуть от торгашества и хитрости. Таково человеческое сердце. На моих руках выросли мозоли. Отец на-

Мисима Ю.

М 65 Жажда любви : роман / Юкио Мисима ; пер. с яп. А. Вялых. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 224 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-12112-6

Юкио Мисима — самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота).

«Жажда любви», одно из ранних и наиболее значительных произведений Юкио Мисимы, было включено ЮНЕСКО в коллекцию шедевров японской литературы. Действие романа происходит в послевоенное время в небольшой деревушке недалеко от города Осака. Главная героиня Эцуко, молодая вдова, одержима тайной страстью к юному садовнику...

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ЮКИО МИСИМА
ЖАЖДА ЛЮБВИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректоры Валентина Гончар, Ксения Казак

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 28.04.2025.

Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вл. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Москва, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12-14, лит. А, Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Херсон көжесі, 12-14 үй, А лит., Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде баспа шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сайкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық онім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-VAK-20144-08-R